

Язык: от истоков к устью

Вильям Смит

«Нет ничего в мире сильнее свободной научной мысли...»

4. Триумфатор

Стоит еще вспомнить, что именно в то время Т. Д. работал над исполнением ответственного задания вождя по выводу Лысенко на поля страны так называемой «ветвистой пшеницы». К тому времени уже более ста лет селекционеры разных стран бились над возможностью использования ветвистой пшеницы в сельском хозяйстве. В результате со всей надежностью была установлена полная бесперспективность этой затеи. В лучших случаях на малых площадях и при очень затратной агротехни-

ке удавалось получать урожай, который в несколько раз превышал стандартный. Но сорт этот быстро вырождался и явно не подходил для практического использования. «Хороший, но только для огорода, а не для поля», — так говорили о нем селекционеры. Но вождю очень хотелось одним махом решить глобальную проблему нашего сельского хозяйства — нехватку хлеба. А тут ему прислали из Грузии пакетик семян ветвистой пшеницы и он, недолго думая, призвал к себе Лысенко и предложил ему создать такой сорт, для которого было придумано даже название «кахетинская ветвистая». Хотя Трофим Денисович, ко-

Продолжение. Начало — в № 1/18.

нечно, был осведомлен обо всех прошлых неудачных попытках выведения такого сорта, но, что называется, «взял под козырек». Уже через пару лет стало очевидно, что и ему не удастся вывести устойчивый сорт такой пшеницы. Еще немного, и пришлось бы признать, что лопнули все надежды на то, что вот-вот в наших краях заколосится чудо-пшеница с урожайностью чуть ли не в десять раз выше, чем у традиционных сортов.

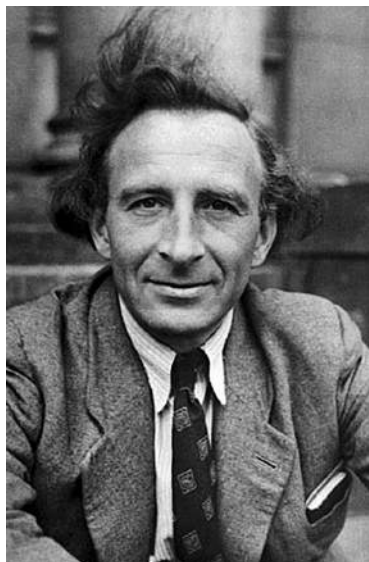
Возникла совершенно серьезная угроза разоблачения очередного блефа Т. Д. Но он, как искусный интриган, «сработал на опережение». Он использовал критические выступления против себя, особенно «прокол» младшего Жданова, завотделом науки ЦК, который в апреле 1948 года не нашел ничего лучшего, как прочесть публичную лекцию, где было сказано об ошибочности представлений школы Лысенко о природе наследственности и возможностях направленного воздействия на живые организмы. Там же им было заявлено, что классическая менделевская генетика и мичуринское учение — это всего лишь два направления в биологии, не исключают друг друга. Докладчик, видимо, полагал, что его лекция послужит предложением начать дискуссию с теми, кто представлял школу мичуринской биологии. Но никакой дискуссии не случилось, да и не могло случиться. Трофим Денисович и не думал поднимать «брошенную ему перчатку» — зачем мельчить, когда он с полным основанием мог рассчитывать на поддержку и понимание Самого. К тому же в письмах руководству Лысенко обвинил своих критиков в том, что они пытаются очернить советскую мичуринскую биологию и взамен ее утвердить развиваемую на Западе классическую генетику, а это не что иное, как типичный пример «низкопоклонства перед буржуазной наукой».

Это был очень удачный ход — Т. Д. перевел предлагаемую научную дискуссию о генетике в русло личного противостояния, в котором он выступал защитником идеологии марксист-

ской биологии, а его противники, сторонники буржуазной науки, захотели его убрать. Поэтому и произошло то, что и должно было произойти — Ю. А. Жданова прилюдно «выпорол» на самом высоком уровне (хотя в то время он был зятем Сталина). Ошибочность своих взглядов ему пришлось публично признать. А Лысенко получил карт-бланш на проведение сессии ВАСХНИЛ, причем «Большой Брат» самолично рассматривал и утвердил его доклад. Заметим попутно, что на фоне всех этих событий никто уже и не заметил, как ушел в небытие замысел спасти наше сельское хозяйство посредством создания «кахетинской ветвистой» чудо-пшеницы.

Стоит ли после этого удивляться тому, что вскоре, а именно в августе 1948 года, состоялась сессия ВАСХНИЛ, на которой был учинен форменный разгром классической генетики. Слово «разгром» не является метафорой — на самом деле это точное описание того, что произошло.

В докладе Лысенко «О положении в биологической науке» и в выступлениях его сторонников по сути дела было заявлено, что советские биологи полностью отрицают почти вековую историю развития генетических работ и для них не представляют какого-либо интереса открытия классической генетики, сделанные в работах Менделя, Вейсмана, Моргана, равно как и достижения советских генетиков, ученых мирового уровня, таких, как С. С. Четвериков, Н. К. Кольцов, Н. В. Тимофеев-Ресовский или И. А. Раппопорт. Все это никому не нужная «идеалистическая рухлядь», которую навязывает нам буржуазная наука разлагающегося Запада. Наш путь — это материалистическая мичуринская биология — таков был конечный вывод «научной» сессии 1948 года. Стоит еще привести высказывание И. Презента, верного подручного Лысенко: «Мы не будем дискутировать с морганистами. Мы будем продолжать разоблачать их, как представителей вредного и идеологически чуждого, лженаучного по своей сущности направления».

Николай Тимофеев-Ресовский

Ну, а для широкой публики доходчивее всего итоги сессии ВАСХНИЛ разъяснил А. Н. Студитский, между прочим, профессор биофака МГУ и замдиректора Института эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР. В его статье, опубликованной в журнале «Огонек» (1949 год, № 11) под названием: «Мухомобы-человеконенавистники», было, в частности, заявлено, что: «История развития менделевской науки о наследственности с необычайной наглядностью демонстрирует связь науки при капитализме со всей растленной идеологией буржуазного общества... Менделистская генетика, евгеника, расизм и пропаганда империализма в настоящее время неотделимы. Вот почему разгром менделизма-морганизма на августовской сессии ВАСХНИЛ вызвал такую злобу реакционеров от политики и науки во всем мире».

Чтобы всё всем было ясно до конца, Лысенко не преминул отметить, что его доклад на сессии ВАСХНИЛ был прочитан и одобрен Сталиным. При таком, почти трогательном взаимопонимании вождя и «ученого», легко представить себе, насколько безоговорочной была поддержка любых начинаний «народного академика» не только со стороны большевистского

руководства, но и со стороны многих представителей академической науки. Тем же из биологов, которые до августовской сессии подвергали критике работы Лысенко, пришлось срочно признать ошибочность своей позиции, и вряд ли их кто-либо может в этом упрекнуть. Ведь тот, кто посягал на авторитет Лысенко, на самом деле выступал против, ... страшно сказать даже сейчас, «великого вождя и учителя» — самого Сталина. Но были все-таки и те, кто осмелился даже в тех условиях устоять и не отказываться от своих убеждений, но таких было очень немного. О них, о тех, кто в буквальном смысле слова спасал честь нашей науки, — я еще расскажу немного дальше.

Не прошло и трех недель с момента окончания сессии ВАСХНИЛ, как появился приказ министра образования Кафтанова, согласно которому закрывались все кафедры и лаборатории генетики в вузах, отменялись все программы преподавания генетики, из библиотек и магазинов изымались все учебники по генетике. Срочно, в пожарном порядке создавались новые учебники по генетике. Вот как выглядел один из первых, выпущенный в начале 1950-го года: в подзаголовке первой главы было четко сказано, что «Менделизм-морганизм — порождение реакционной идеологии империалистической буржуазии», а «мичуринская биология — теоретическая основа современной материалистической биологии».

В течение двух-трех месяцев полностью обновился состав преподавателей биологии в вузах. Не отставала и наша Академия наук, которая уже к концу августа приняла постановление о пересмотре состава редсоветов биологических журналов. В академических институтах прекращались работы по генетике, если только они хоть в чем-то противоречили представлениям о наследственности по Лысенко.

Боюсь, что современный читатель с трудом может себе представить, в каком состоянии оказались ученые-генетики во времена «разгула лысен-

ковщины». А впрочем, на этот счет легко можно подыскать немало аналогий в истории европейской инквизиции — ну, взяты хотя бы небезызвестные случаи Галилео Галилея или Джордано Бруно. С такой, правда, поправкой: при всей жестокости приговоров по отношению к конкретным людям-еретикам инквизиция все-таки не требовала немедленного закрытия целой области науки о природе! И, конечно, История не может обойтись без парадокса — а как еще расценивать тот факт, что именно академик Лысенко в период с 1940 по 1955 годы, а затем с 1961 по 1965 годы, возглавлял Институт генетики АН СССР!!

Почему-то в этой кампании вождь обошелся без массовых репрессий: не было дано «отмашки» на проведение очередных процессов врагов народа, хотя идеологическая подготовка к этому уже была, можно сказать, завершена. Никто бы у нас не удивился, если бы все эти «мухолобы-человеконенавистники», «космополиты и низкопоклонники перед буржуазной наукой» вдобавок еще оказались бы купленными агентами западных разведок, сознались в своих злодейских намерениях и, конечно, в многочисленных диверсиях, подрывающих наше сельское хозяйство, и понесли бы заслуженное наказание. Было также очевидно, кто должен был возглавлять эту преступную организацию — для этой цели почти идеально подходил уже разоблаченный академик Вавилов (конечно, он уже скончался, но тем легче можно было вспомнить, что ему инкриминировали также и троцкизм). Но, видимо, «наш вождь и учитель» в свои 70 лет просто не мог поспевать повсюду — всего лишь в январе 48-го года был злодейски убит С. Михоэлс, председатель Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) (по прямому поручению Сталина!) и весь год после этого раскручивалось дело всего ЕАК (по этому делу было осуждено 125 человек, из которых 23 — расстреляны). Ну, а с середины 49-го пришлось разбираться со шпионами и врагами народа

в руководстве ленинградской парторганизации (еще более десятка казненных и несколько сот человек осужденных), а где-то совсем неподалеку маячили «врачи-отравители» и близился завершающий апофеоз государственного антисемитизма в СССР...

5. «Великие» открытия мичуринской биологии

Итак, как выяснилось, вся классическая генетика явилась полем деятельности злейших врагов мичуринской биологии — генетиков менделистов-морганистов, и разоблачение этих «нехороших людей» оказалось крайне прибыльным делом. Понятно, что и прочие разделы биологии не могли остаться, что называется, в стороне от «порчи». При внимательном рассмотрении обнаружилось, что к категории явно ненаших следует отнести еще и «виrhoвианцев», то есть, всех тех, кто разделяет утверждение Р. Вирхова, крупнейшего немецкого биолога XIX века, что «все клетки живых организмов происходят только от клеток». Подобное утверждение было явно чуждо материалистической диалектике развития как борьбы противоположностей и закона отрицания отрицания и, конечно, оно само напрашивалось на опровержение. И такое опровержение вскоре было озвучено.

Здесь первым оказался ветеринар Г. М. Бошнян, опубликовавший в 1950 году книгу под названием «О природе вирусов и микробов», в которой он утверждал, что экспериментально наблюдал «превращение бактерий в вирусы, вирусов в кристаллы и обратно». Ученый мир замер в изумлении от подобного «эпохального» открытия, но несколько лет никто не осмеливался высказывать какие-либо критические замечания — уроки сессии ВАСХНИЛ 1948 года были еще слишком свежи в памяти. Не менее поразительным было открытие, сделанное в то же время О. Б. Лепешинской, которая утверждала, что «клетки могут формироваться не только из клеток, но

и из вещества, не имеющего клеточной структуры».

На всякий случай, просто чтобы не остаться в стороне, в 1950 году Академия наук провела Совещание по проблеме «Образование клеток из живого вещества», на котором устали академика-секретаря Отделения биологических наук А. И. Опарина было заявлено: «Я вижу задачу этого совещания в критике и разрушении предвзятых идей, последнего оплота менделизма в нашей стране — вирховской трактовки учения о клетке». А сама О. Б. высказалась еще более определенно: «В нашей стране уже нет враждебных друг другу классов, и борьба идеалистов против диалектиков-материалистов всё же, в зависимости от того, чьи интересы она защищает, носит характер классовый борьбы. И действительно, последователи Вирхова, Вейсмана, Менделя и Моргана, говорящие о неизменности гена и отрицающие влияние внешней среды, являются проповедниками лженаучных вещаний буржуазных евгеников и всяких извращений в генетике, на почве которых выросла расовая теория фашизма в капиталистических странах. Вторую мировую войну развязали силы империализма, в арсенале которого был и расизм».

А что, ведь хорошо сказано, и спорить с этим почему-то не хотелось, что понятно, если взглянуть на дату доклада (О. Б. Лепешинская, 22—24 мая 1950 года).

Этот доклад получил полный «одобрямс» у высокого академического собрания. Несколько десятков биологов, в числе которых были и ученые с мировым именем (к примеру, тот же академик Опарин), дружным хором пропели осанну выдающемуся достижению Ольги Борисовны. Естественно, что поддержал ее и Т. Д. Лысенко, который заверил присутствующих в том, что его теория видообразования полностью согласуется с данными Лепешинской. Стоит еще отметить, что Т. Д. всячески способствовал продвижению идей Лепешинской в печати. В частности, им было написано хвалебное предисловие к монографии

О. Б. Добавлю, что в свою очередь Лепешинская отметилась еще и тем, что написала предисловие к монографии Бошняна, где всячески славил его достижения в «марксистской мичуринской биологии».

Помню, как в то время в газетах можно было прочесть восторженные статьи о старой большевичке, соратнице Ленина и Крупской, члене партии аж с 1898 года, Ольге Борисовне Лепешинской, которая, несмотря на свой возраст (почти 80 лет!) совершила выдающееся открытие в науке, опровергнувшее идеалистическое буржуазное учение Вирхова! Ясное дело, ей была присуждена Сталинская премия первой степени, и она была избрана действительным членом Академии медицинских наук. А еще она открыла универсальный секрет омоложения — купание в содовых ваннах. Не слыхал, чтобы кто-то сообщил о магических эффектах этой простой процедуры, но точно помню, что тогда в Москве на пару месяцев сода совершенно исчезла из продажи.

Если теперь вернуться к собственно научной стороне деятельности Лепешинской, то об этом очень точно было сказано в статье В. А. Александрова, опубликованной в «Ботаническом журнале» в 1955 году (том 40, № 2). Автор этой работы отмечает, что самым наглядным результатом совершенно не критического восхваления работ О. Б. явилось появление еще ряда псевдонаучных исследований, иногда просто анекдотического свойства. Так, например, в 1954 году профессор (?) В. Г. Щипачев опубликовал в Иркутске брошюру под названием «Об исторически сложившемся эволюционном пути развития живой клетки в свете новой диалектико-материалистической теории». В этом труде он приводит описания своих опытов, свидетельствующие о том, что клетки семян разных растений при их имплантации в брюшную полость собаки, кошки или другого животного, начинают превращаться в животные клетки (!!!) в соответствии с «животной» средой, в которой они оказались. Как уверя-

ет автор, это происходит в силу того, что «плазма растительной клетки превращается в материал, из которого строится клетка другого вида, что вполне согласуется с основным биологическим законом Лепешинской — Мичурина — Лысенко». Можно смело предполагать, что если бы Щипачев опубликовал свою «злодейскую» брошюру на пару лет раньше, скажем в 51-м или 52-м году, она была бы также поднята на щит, как и труды Бошняна, Лысенко и Лепешинской. Однако в 1954 году его «открытия» уже, что называется, «не канали», и он так и не смог пробиться в ряды «корифеев советской биологии».

6. Морок начинает рассеиваться

После смерти Сталина в 53-м году ситуация в биологии стала понемногу изменяться и наступило то время, когда в полной мере можно было оценить мудрость высказывания античных историков: «*Sic transit Gloria mundi*» («Так проходит земная слава»). Мы же можем добавить, что этот самый *transit* подчас происходит с невероятной быстротой!

Так, например, на совещании в Академии наук в 1950 году директор Института микробиологии А. А. Имшенецкий, считавшийся авторитетнейшим микробиологом, вполне положительно отзывался о значимости «феноменальных открытий» Бошняна. Однако, к маю 1953 года у него наступило прозрение (всего лишь через два месяца после кончины Сталина!), и он публично заявил, что все это просто обычное шарлатанство. Лепешинская продержалась дольше, но вскоре и до нее «дошла очередь» и стали появляться критические статьи о ее «достижениях». А еще через несколько лет уже стало почти неприличным напоминать о том, что совсем недавно эта дама очень благосклонно принималась в академических кругах.

Однако же, в конце концов Лепешинская, Бошнян и им подобные деятели были всего лишь мелкими бесами на том «празднике на Лысой горе», что Т. Д. Лысенко устроил в нау-

ке. А вот избавиться от той лысенковщины, которой буквально была пропитана вся система биологического образования в нашей стране и которая усиленно насаждалась в практику научных исследований, оказалось очень нелегким делом. Здесь решающий шаг был сделан осенью 55-го года, когда в ЦК КПСС было направлено письмо, подписанное виднейшими советскими учеными, в числе которых были не только биологи, но и физики, математики, химики, медики, объединенные общим стремлением положить конец безраздельному господству бредовой идеологии Лысенко.

В этом письме, получившем известность как «Письмо трехсот», доскональнейшим образом были рассмотрены все аспекты многолетней деятельности «народного академика». Приведены факты абсолютной безграмотности и вопиющего невежества, которыми избилуют его статьи, выступления и монографии. Но, пожалуй, еще убедительнее был разбор всех тех агротехнических новшеств, которые, как утверждал Лысенко, непременно должны были поднять на недосягаемую высоту сельское хозяйство во всех регионах нашей страны. Вместо этого, как отмечалось в «Письме»: «Им в значительной мере дезорганизована вся сельскохозяйственная наука, запутана система семеноводства и опытного дела, научные основы агрономии заменены широко рекламируемыми, но невыполняемыми обещаниями, причем каждое новое предложение по существу является способом замаскировать провал предыдущего и избежать ответственности за него перед государством». В частности отмечается, что «...в результате деятельности Т. Д. Лысенко у нас не оказалось гибридной кукурузы, доходы от внедрения которой, по данным американцев, полностью окупили все их затраты на изготовление атомных бомб». И вот как звучал один из выводов «Письма»: «В результате же деятельности Т. Д. Лысенко, представляющей собой беспрецедентный в истории обман государства, генетика была

фактически запрещена, а дарвинизм фальсифицирован».

«Возмутительно!» — так отреагировал на это письмо Н. С. Хрущев, наш партийный вождь того времени. Однако, когда ему разъяснили, что это письмо подписано не просто «обиженными биологами», а виднейшими учеными страны, академиками и членами-корреспондентами АН СССР и еще более чем парой сотен именитых ученых почти всех областей науки, прямо или косвенно связанных с биологией и медициной, стало ясно, что, как ни возмущайся, но просто так от всего этого не отмахнешься.

Текст «Письма трехсот» в то время не был опубликован. Должно было смениться четыре генеральных секретаря КПСС, и лишь в 1989 году, при Горбачеве, газета «Правда» его представила широкой публике. Однако и в 50-х годах по Москве ходили копии этого письма, и я помню, насколько сильное впечатление на меня и моих друзей произвело чтение этого документа. Как оказалось, не все мертво в «пейзаже после битвы» — в нашей науке еще остались люди, кто были готовы отстаивать свои убеждения, а тот факт, что письмо было подписано множеством авторитетнейших ученых страны, позволял надеяться на то, что грядут перемены к лучшему.

Почти сразу же после «Письма» последовало нечто, похожее на «оттепель» в биологии — отстранили от руководства Отделением биологических наук Академии наук ярого лысенковца, академика А. И. Опарина, а самого Лысенко сняли с директорства Институтом генетики, ослабили цензуру и стала допускаться критика Т. Д. в печати и, самое главное, в ряде институтов (в Москве, Ленинграде, Новосибирске) было разрешено организовать лаборатории генетики.

Но, как хорошо известно, оттепель потому так и называется, что ей послед неизбежно приходят «заморозки». Дело в том, что у Лысенко имелось огромное преимущество перед

всеми его академическими противниками — он, хотя и был беспартийным, принадлежал к категории людей, классово близких генсеку Хрущеву. Они оба вышли из самых низов, почти без серьезного образования, но со свирепой целеустремленностью «вперед и вверх, а там...». Их объединяла еще внутренняя предубежденность (если не сказать — враждебность!) ко всяким там ученым умникам, что говорят о каких-то «непонятных вещах, чтобы свою ученость показать», «а сами в руках ничего тяжелее стакана не держали!». Разве мог Хрущев вот так взять, да и признать неправоту недавних постановлений партии и правительства и во искупление прошлых грехов большевистского руководства принести в жертву любимого его сердцу Т. Д.! Не дождетесь!

И вот уже в 1958-м году в газета «Правда», органе ЦК КПСС (если кто забыл!), появилась статья в защиту Лысенко, а в начале следующего года от имени президиума АН СССР было публично заявлено, что имела место «недооценка мичуринской биологии» и было обещано исправить допущенные недостатки.

И, конечно, Академия наук не только, что называется, признала свою вину на словах, но вскоре всерьез взялась за исправление этих «перекосов». Академик В. А. Энгельгардт, ученый с мировым именем, был вынужден уйти с поста академика-секретаря, самого Лысенко вернули на пост директора Института генетики и сделали его снова Президентом ВАСХНИЛ, наконец, разогнали редакцию «Ботанического журнала», много крови попортившего лысенковцам. Обо всем этом верноподданническом сраме не следует забывать — тогда меньше будет оснований удивляться сегодняшнему униженному статусу нашей Академии.

Однако, как бы ни старались сторонники Т. Д. отвоевать свои утраченные позиции в официальной научной иерархии, на самом деле уже никто не мог загнать обратно в бутылку «джина генетики», что, наконец, оказался на свободе в нашей стране.

Продолжение следует